

Тем временем во внутренних покоях дворца император Аньцин пребывал в ярости. Он приказал увести и наказать бессмертного наставника, а затем издал устный указ, призвав Сяо Чжигэ во дворец.

От автора:

Сунсун: Сердце Но-но — что иголка на дне морском...

Но-но: :)

Сунсун у нас человек дела, жаль только, что немного глупенький, хи-хи~

Сяо Чжигэ ждал этого. Он сжал руку Ань Чанцина, успокаивая его, затем переоделся в парадный халат с драконами, подобающий великому князю, и отправился в экипаже во дворец на аудиенцию.

Во дворце Цяньчжэн вовсю жарил гипокауст, золотистые занавесы спускались до самого пола. За их многослойными складками император Аньцин полулежал на мягкой кушетке, пока две служанки — одна спереди, другая сзади — разминали ему плечи и ноги. Неподалеку даос средних лет в одеянии с символом Багуа хлопотал у печи для выплавки пилюль, тщательно следя за огнем. Из печи время от времени доносилось легкое потрескивание, и в воздухе витал тонкий аромат снадобий.

— Даос Сюань, вы хотите сказать, что этот безумный даос может превосходить вас в духовном мастерстве? — Император Аньцин вертел в руках маленький флакон из белого нефрита, и в его глазах загорелся алчный огонь.

Сюань осторожно приподнял крышку печи, пересыпал готовые пилюли в нефритовый флакон, запечатал его и лишь затем благоговейно поднес императору Аньцину:

— Именно так. Способность вычислять волю Небес и прозревать бедствия — это то, на что не был способен даже мой наставник. Если слова Бэйчжань-вана правдивы, то этот безумный даос — несомненно, великий мастер.

— Великий мастер... — Император Аньцин весь дрожал от возбуждения. — Сможет ли этот великий мастер сотворить для Нас пилюлю, дарующую бессмертие?

Сюань, считывая выражение его лица, осторожно ответил:

— О пилюлях, дарующих бессмертие, скромный даос слышал немало, однако своими глазами их никогда не видел. Вряд ли даже тот великий мастер знает их секрет...

Выражение лица императора Аньцина мгновенно изменилось. Он раздраженно взмахнул рукавом:

— Какой же он тогда великий мастер?

Сюань сложил руки в почтенном поклоне:

— Если его учение глубоко и он способен прозревать волю Небес, он сможет, как и на этот раз, оберегать Ваше Величество от бед и приносить благо. Пусть он и не сумеет выковать эликсир, дарующий бессмертие, но уж продлить жизнь и укрепить здоровье для него не составит

труда...

Только тогда император Аньцин сменил гнев на милость. Он вытянул шею, всматриваясь во двор, и нетерпеливо поторопил:

— Бэйчжань-ван еще не прибыл? Живо зовите его!

Прислуга у дверей откликнулась:

— Князь уже призван во дворец.

Пока они говорили, снаружи раздался громкий голос слуги:

— Бэйчжань-ван просит аудиенции у Его Величества!

— Живо впустите! — Император Аньцин в возбуждении оттолкнул двух служанок и поднялся. Пожалуй, он впервые с таким нетерпением ждал встречи с этим сыном, которого никогда особо не любил.

Сяо Чжигэ вошел, неся на плечах холод метели. Сбросив стужу во внешнем зале, он шагнул во внутренние покои.

Внутри царило приятное тепло, а в воздухе витал диковинный аромат. Сяо Чжигэ окинул взглядом печь для снадобий и с уважением поклонился:

— Сын ваш приветствует Августейшего родителя.

— Встань, — мягко произнес император Аньцин, и в его глазах читался горячий интерес. — Тот безумный даос, о котором ты говорил в прошлый раз... помнишь ли ты, как он выглядел?

Сяо Чжигэ мысленно усмехнулся, но внешне лишь опустил глаза, сделав вид, что вспоминает:

— Ваш сын встретил его на тракте возле загородного военного лагеря. Выглядел он весьма нищенски: зимой на нем не было тёплых одежд, только ветхое даосское одеяние, а на поясе висела тыква-горлянка для вина. На вид ему можно было дать лет восемьдесят-девяносто, однако он был полон сил, а шаги его были тверды, что совсем не похоже на обычных стариков такого возраста.

Чем больше слушал император Аньцин, тем шире становилась его улыбка:

— Можно ли найти способ отыскать его?

Сяо Чжигэ на мгновение замешкался и неуверенно произнес:

— Этот безумный даос казался весьма странным. Тогда он словно специально поджидал меня на тракте. Едва договорив, он сделал два-три шага и испарился. В тот день ваш сын пытался догнать его, чтобы расспросить подробнее, но так и не смог нагнать.

Император Аньцин прекрасно знал способности своего сына. Тот владел превосходным боевым искусством, и человек, которого даже он не смог догнать, безусловно, обладал великой силой.

— Пошлите людей искать снова! — император Аньцин ликовал. — Если удастся пригласить его во дворец, наградят щедро!

— У этого безумного даоса действительно есть способности, и его предостережение уже сбылось. Не следует ли нам приступить к подготовке к борьбе со снежным бедствием? — воспользовавшись моментом, спросил Сяо Чжигэ.

Улыбка на лице императора Аньцина тут же померкла. Он нахмурился и с нетерпением буркнул:

— Подумаешь, снежное бедствие, разве из этого может выйти нечто серьезное? К тому же на местах есть чиновники, они и разберутся. — С этими словами он, словно что-то вспомнив, добавил: — Кажется, Нам доносили, что в твоём поместье припасено немало зимних вещей?

— Именно так. Это безумный даос напомнил Вашему слуге, что в такое время следует творить больше добрых дел и смывать грехи пролитой крови, дабы не навлечь беду на близких.

— Вот и отлично, — император Аньцин отмахнулся с само собой разумеющимся видом. — Нынче казна пуста. Раз уж у тебя есть такое намерение, то поручаем это дело тебе. Считай это возможностью накопить для себя больше благодеяний.

Сяо Чжигэ давно изучил характер императора Аньцина, поэтому ничуть не удивился его словам. Немного подумав, он ответил:

— Если верить словам безумного даоса, этот снегопад затянется ненадолго. Запасов, собранных Вашим слугой, на помощь пострадавшим может оказаться капли в море.

Однако император Аньцин лишь безразлично отмахнулся:

— Сколько может быть пострадавших от какого-то снегопада? Если не хватит — решим потом.

Видя это, Сяо Чжигэ не стал спорить. Он с почтением принял повеление, отдал поклон и удалился.

Главный евнух, провожавший его, отправился передавать указ императора Аньцина и вывешивать объявления о поиске безумного даоса.

Сяо Чжигэ оглянулся на залитый огнями роскошный Запретный город. В его глазах мелькнула насмешка, и, помешкав мгновение, он развернулся и ушел без тени сожаления.

Когда он покидал дворец, уже стемнело. За полдня землю укрыл толстый слой снега; колеса экипажа оставляли за собой глубокую колею. Сяо Чжигэ приподнял шторку экипажа и по пути наблюдал за тем, как жители в темноте латают крыши. Были и нищие, не имевшие даже крыши над головой: им оставалось лишь плотнее кутаться в скудное вранье и искать защищенное от ветра место.

Если даже в самом процветающем Ецзине происходило подобное, то в других округах и провинциях Севера дела обстоят ничуть не лучше.

Вот только император Аньцин, предаваясь поискам бессмертия, даосским практикам и упиваясь плотскими утехами, вовсе не желал беспокоиться о таких «мелочах».

Вернувшись в поместье князя, он увидел, что в главном дворе все еще горит свет. Выражение лица Сяо Чжигэ смягчилось. Смахнув с одежды налипший снег, он вошел внутрь. Ань Чанцин ждал его с самого момента отбытия во дворец. Увидев мужа, он поспешил навстречу, всматриваясь в его лицо:

— Все в порядке?

Сяо Чжигэ пересказал ему все, что произошло во дворце.

— Его Величество уж слишком... — на лице Ань Чанцина вспыхнул гнев, но из осторожности он осекся и лишь возмущенно добавил: — Ведь все серебро потратил князь...

Видя, как тот за него заступается, Сяо Чжигэ повеселел и утешил его:

— Если мы будем раздавать помощь от имени Августейшего родителя, это поможет нам избежать лишних подозрений. Где-то теряешь, где-то приобретаешь. О земной славе беспокоиться не стоит.

Ань Чанцин, конечно же, понимал это, иначе Сяо Чжигэ не стал бы с таким трудом придумывать историю о безумном даосе. Понимать-то понимал, но в душе все равно еще немного сердился.

Увидев это, Сяо Чжигэ сказал:

— Вместо этого Но-но лучше подумал бы, сколько серебра можно выручить за припасенный уголь.

В свое время Ань Чанцин запас тридцать тысяч зимних одежд, тридцать тысяч даней белого риса и пятнадцать тысяч цзиней древесного угля. На одежде и рисе они наживаться не собирались — лишь бы вернуть затраты, но вот уголь покупали в основном богатые семьи, и такой огромный запас предназначался именно для того, чтобы выручить хороший куш.

Сейчас все только начиналось, и если снегопад продлится еще несколько дней, цены на эти товары неизбежно подскочат.

И факты подтвердили, что Сяо Чжигэ не ошибся.

Снегопад с перерывами продолжался десять дней, и кое-где сугробы доходили до колен. Зимние вещи и одеяла, которые жители уже собирались убрать, пришлось снова достать. За зиму у многих бедняков запасы зерна подошли к концу, и все бросились судорожно скупать теплую одежду и провизию. В этой волне паники цены на теплые вещи, зерно и уголь незаметно поползли вверх.

Беднейшие семьи, радовавшиеся было, что кое-как пережили зиму, теперь едва сводили концы с концами, доедая последние крохи и с мучением ожидая прихода весны, время наступления которой было неизвестно.

И именно в этот момент Ань Чанцин собрал управляющих всех лавок и после обсуждения официально пустил в продажу накопленные запасы одежды, зерна и угля.

Цены на зимнюю одежду и белый рис поднимать не стали — их продавали по прежней стоимости. В то же время за городом установили бесплатные кухни, где обедневшим людям раздавали горячую кашу и зимнюю одежду.